

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

ЛЕОПОЛЬД ФОН ВИЗЕ

СИСТЕМА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ СОРОКИНА* **

I

Год назад под первым впечатлением от двух последних прочитанных сочинений Сорокина «Reconstuction of Humanity» (1948) и «Society, Culture, and Personality» (1947) планировалось дать им оценку. Это было заявлено в номере 2 первого журнального тома в материале под заголовком «Питирим А. Сорокин» (с. 105 и след.)***. Третий и четвертый разделы той статьи были посвящены сочинениям П.А. Сорокина второй группы по систематизации теоретической социологии. Однако тогда в конце 12 с лишним страничного изложения после предварительного изучения *сорокинской*

---

* Перевод текста данной статьи с немецкого на русский язык и подготовка к печати выполнены при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451 по изданию: Wiese L. von. Sorokins System der allgemeinen Soziologie // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1949/50. Bd 2. – Pp. 263–274. Перевод с немецкого Н.А. Головина. Библиографические ссылки в тексте принадлежат Л. фон Визе. Подстрочные сноски, примечания и комментарии переводчика.

The translation of this article-review from German into Russian and its preparation for printing was supported by the Russian Foundation for Basic Research, as published in the edition: [Wiese von L. Pitirim A. Sorokin // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1948/49. Bd 1. No 2. – Pp. 209–221]. The bibliographical references in the text belong to L. von Wiese. Footnotes, notes and comments are of the translator (Golovin N.A.). The research was funded by RFBR according to the № project № 20-011-00451.

Продолжение статьи-рецензии «Питирим А. Сорокин» [Фон Визе Л. Питирим А. Сорокин // Наследие. 2021, № 1(18). – С.103–115].

** Вступительная статья к рецензии Л. фон Визе «Система общей социологии Сорокина» опубликована в журнале «Наследие» № 1(18) 2021 г.

*** См.: Wiese von L. Pitirim A. Sorokin // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1948/49. Bd 1. No 2. – Pp. 209–221.

Визе фон Л. Питирим А. Сорокин // Наследие. 2021, № 1 (18). – С.103–115.

«Наследие» № 2 (19) (2021)

критики нашего учения о социальных отношениях*, мы заметили: «Важнее этих неизбежных дискуссий было бы дать читателю обзор всей системы. Сделать это исчерпывающим образом пока невозможно, прежде всего, потому что ощущается потребность после проделанной работы еще раз глубже изучить все сочинение. Планируем сделать это основой занятий социологического семинара в предстоящем зимнем семестре и по окончании вернуться к прерванной сейчас дискуссии. Сообщаем читателю лишь оглавление книги». Однако дело затянулось – планировалось завершить анализ книги *Сорокина* «Society, Culture and Personality» в зимнем семестре 1948/49 гг., но пришлось заниматься этим на семинарах и в течение летнего семестра 1949 г. Теперь хотелось бы исполнить свое прошлогоднее обещание и продолжить начатые тогда заметки.

При этом, однако, нужно как можно меньше повторяться и исходить из того, что читателю уже известны наши тогдашние замечания о *сорокинских* трудах.

Как раз сегодня, когда от множества отраслей прикладной социологии, других наук об обществе и социальных технологиях по праву ждут общей социальной теории, способной дать систематизированную и четко отграничиваемую *основу*, неотложной задачей является добротное исследование немногочисленных теоретических систем, имеющих современное значение, а не только историческую значимость. Было бы прекрасно, если бы тот, кто, как автор этих строк, решил сделать целью жизни разработку системы таких принципов, стремясь к объективности, сравнил бы свои разработки с уже имеющимися. Важно не заикливаться на различиях в деталях, а, не боясь утонуть в тонкостях, попытаться найти общий вектор деятельности, не дробя целостную систему принципов. Сочинения других следует читать, прежде всего, чтобы понять, как изменить к лучшему свои попытки. Если при этом окажется, что что-то можно изложить иначе, улучшить, то не стоит слишком деликатничать в ущерб своей позиции. Если быть слишком покладистым, то невозможно способствовать развитию науки.

В данном случае считаем, что лучше всего представить то, что заявляет *Сорокин* по определенному вопросу, как можно короче, затем обосновать, в какой мере можно следовать ему и, таким образом, установить возможные различия между двумя нашими системами социологии. Поскольку мы являемся «стороной», то судить – не наше дело. Кроме того, ни одно из наших замечаний не направлено на полемику, но будет невозможно избежать некоторой обстоятельности. Не делая обширного анализа, ограничимся лишь социологической частью книги (до стр. 312); вторую и третью части, являющиеся культурно-антропологическими и выходящими за рамки общей социологии, оставим без рассмотрения, надеясь в дальнейшем заняться ими.

II

Как уже подчеркивалось в первой статье в номере 2 журнального тома 1, *Сорокину* и нам общая социология представляется попыткой установить логический порядок в явлениях социокультурного характера, выходящий за рамки сбора фактов, относящегося к социографии. Это делается с помощью собственных категорий и ме-

* См. прим. *Фон Визе Л.* Питирим А. Сорокин // Наследие. 2021, № 1(18). – С.108.

тодов установления причинно-следственных связей. Сорокин утверждает, что общая социология основывает свои суждения о структуре и динамике социальных систем на эмпирии и работает с типизациями.

Сорокин относит социологию к гуманитарным наукам; она, по его мнению, не занимается, как физика и биология, органическим, а занимается надорганическим миром; естественные науки, как говорил уже Конт^{1*}, являются досоциологическими. Личность же человека, по его словам, есть продукт социокультурных сил. От других наук об обществе социология отличается тем, что занимается целостностью социальной жизни, а не ее фрагментами.

При таком основоположении мы не разделяем его весьма резкое исключение естественнонаучной проблематики и рассматриваем социальные науки как пограничную область между естественными и гуманитарными, в которой по-разному соединены оба способа рассмотрения. Следствием его резкого отделения социологии от естественных наук, с одной стороны, и тесного соединения Социального с Культурой и Личностью, с другой, становится отождествление философской (не естественнонаучной) антропологии и социологии. Человек объясняется исключительно своей социальностью^{2*}: «Human Personality as a Product of Sociocultural Forces»* (стр. 5). Однако факты, которые Сорокин приводит в подтверждение тому, что человек не может жить вне общества, кажутся нам недостаточными, чтобы утверждать, что социальность вполне объясняет природу человека. Ниже хотелось бы провести различие между явлениями социальной и культурной жизни. В основе всякого отнесения к категории культуры – оценка, выводящая за пределы описания взаимосвязи фактов социальной жизни. Культура есть совершенствование и облагораживание. Что к ней относить – зависит от оценочных суждений. Кроме того, стирается различие между процессами, из которых складываются межчеловеческие связи, и ее предметными достижениями, которые являются объектом других наук. Из их смешения часто возникает неопределенность собственной задачи социологии. Несомненно, что койнологические исследования^{3*} проводятся на грани культурологии и иногда продолжают в ее области с почти неприметными изменениями, чем они и должны быть «увенчаны». Однако следует учесть, что при этом способ рассмотрения меняется.

Во всех последующих главах своего сочинения Сорокин выдвигает на первый план понятие *структуры* без четкого отделения от понятия *процесса*. В связи с тем, что Сорокин справедливо рассматривает взаимодействия индивидов как объект социологии, необходимо разделение этих двух категорий и выделение значимости рассмотрения процессов.

В начале после подзаголовка «Своеобразие структуры социокультурных явлений» рассматриваются компоненты взаимодействия, к которым относятся, во-первых, действующие субъекты, во-вторых, теории, ценности и нормы, ради которых люди вступают в контакт друг с другом, и, в-третьих, «проводники» (Vehicles) процессов изменений (лучше всего этот термин переводится как «инструменты» или «инструменты передачи»). В результате размышлений совершенно гуманитарного характера он учитывает лишь оценки, связанные со смыслом (meaningful). Наше уже высказанное ранее возражение против подобного ограничения основывается на том, что даже действия без такого определенного смыслополагания заслуживают внимания

* Человеческая личность как продукт социокультурных сил.

в силу их последствий для межличностных отношений. Кроме того, несомненно, что исследование смысла, заложенного в действие, является одной из важнейших задач анализа. При этом следует четко отделять смысл, придаваемый действию *автором* исследования, от того смысла, который подразумевают *исследуемые*. Однако так бывает редко. Как правило, исследователь не может устоять перед соблазном приписать своим объектам смысл с *его* точки зрения. Принципиальный и исключительный акцент на «meaningful actions» (значимое действие) является ключом к *субъективно-*му истолкованию происходящего. При анализе исследователь также может опустить то, что кажется ему ненужным, если это не будет «meaningful» (значимым).

В остальном систематика действий, представленная на с. 43 и след., заслуживает внимания. Лишь «каталитические действия» (указанные в пункте «а») не являются действиями. Однако подчеркивание того, что само наличие людей или предметов влияет на наши действия, является важным дополнением учения об отношениях. После необходимой, на наш взгляд, классификации инструментов передачи контактов, которая проясняет и вопрос, в какой мере социология должна включить в рассмотрение материальные вещи, в четвертой главе совершается переход к учению о социальных образованиях^{4*}, несмотря на то, что обобщающий обзор формирует у нас несколько иное ожидание. Различаются организованные, неорганизованные и дезорганизованные социальные образования. Он усматривает характерные черты организованного большинства в воздействии на них «law norms» (норм права), т. е. в *принудительных* правилах, влияющих на поведение индивидов, при этом слишком акцентируя «meanings and values» (смыслы и ценности). Это якобы превращает отношения индивидов в иерархию. «Нормы права» суть эссенция, скелет, сердце и душа каждой организованной социальной группы или (!) социального института (с. 77). Он (Сорокин) неустанно подчеркивает значение принудительных норм. Даже банда преступников есть объективация и материализация (иностранные термины сохранены ради адекватности изложения) соответствующих правовых норм*. При этом следует отличать принудительные нормы от законов морали, к которым это не относится. Следует сразу же отметить, что *Сорокин* не стремится подчеркнуть вездесущую власть государства; напротив, он весьма низкого мнения о его роли – в этом он настоящий американец. Однако отсюда у него возникает неразрешимое противоречие: в качестве источника общеобязательных правил выдвигается не государство, а *право*. Да, получается, что *Сорокин*, следуя высокочтимому им Льву *Петражицкому*^{5*}, превращается из социолога в юриста.

Его учение об организованных группах значительно отличается от нашей разработки учения о социальных образованиях. Выдвижение смыслополагания в качестве центрального пункта его социологии и центральное положение социальной дистанции у нас – вот главная наша противоположность. В учении об отношениях

* Данное высказывание П.А. Сорокина восходит к тезису французского социолога Э. Дюркгейма: «Относя преступность к явлениям нормальной социологии, мы вовсе не хотим сказать, что это неизбежное, хотя и вызывающее сожаление явление, обьязанное своим существованием неискоренимому злонравию людей. Мы хотим подчеркнуть, что преступность является одним из факторов общественного здоровья, неотъемлемой частью всех здоровых обществ», см.: [Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. – С. 40]. В данном случае указанное Л. фон Визе совпадение с Дюркгеймом подчеркивает его мировоззренческие расхождения с П.А. Сорокиным.

мы пытаемся различать три вида социальных образований: массы, группы и корпорации – в зависимости от психофизической дистанции, которую полагает человек по отношению к ним. При этом группа характеризуется организованностью. Однако в учении об отношениях этот термин означает нечто иное, чем у Сорокина; в нашем случае он означает структурированность и распределение функций, а у Сорокина – ориентацию на обязательные правила.

Можно было бы сказать: ну, хорошо: речь идет просто о другой терминологии и ином распределении материала, что следует принять к сведению и учесть. Однако за этим скрывается большее – иное базовое понимание того, что имеет решающее значение для социальной жизни. Нам кажется, что подход Сорокина восходит к исследованиям политической власти и правоведению. Его преувеличенный акцент на нормах, за которыми стоит все богатство многообразной общественной жизни, которое можно понять лишь через степень дистанцирования, растворяется в гнетущей цепи регулятивных правил, является гиперболизацией юридической концепции социального порядка. При этом мы учитываем, что в данном случае он не выдвигает своих требований должностования, а лишь пытается изобразить социальную жизнь так, какова она есть. Однако *это* не так! Прежде всего, кажется странным повторяющееся резкое, в превосходной степени, выделение правовых норм при одновременном отклонении этатизма и стереотипа о том, что государство является единственным носителем принудительных правил, и то, что он даже предостерегает от преувеличения власти государства. Он включает все виды корпораций в источники норм права. Однако это не уводит от этатизма, а приводит к *сверх*этатизму. Его разделение норм права на «официальные» и «неофициальные» еще больше затемняет связь. Возникает вопрос: *кто* возлагает *officium* (служебный долг)? Можно было бы по ошибке считать – мораль. Однако он не относит нравственные нормы к принудительным силам социальной жизни; они содержат лишь предложения и рекомендации.

Что из всего этого выдерживает критику? Акцент на социальном принуждении, как оно выражено в нормах права, особенно необходим в корпорациях. Примеры способов воздействия принудительных норм часто образцовы. Однако нам кажется слабым, что не рассмотрен реальный конфликт нормативных правил и естественно-го уклада жизни людей и что не исследована степень значимости этих норм. Кроме того, спорно отождествление организации и нормирования. Есть организации, в которых создание норм излишне. Организация никогда не сводится лишь к установлению прав и обязанностей. Так, множество малых социальных групп, которые так важны в реальной жизни, в таком случае должны изначально считаться *избыточно* заорганизованными при отнесении разделения труда к правам и обязанностям.

Пятая глава, которую лучше было поставить на место четвертой, начинается с того, что мы относим к учению о социальных процессах. Социальные образования можно понять лишь в результате анализа процессов в них и между ними. Сорокин делит их отчасти на солидарного, антагонистического и смешанного типа, отчасти на семейного, смешанного, особого договорного и принудительного типа. Это, безусловно, полезно для многих исследований, но для общей классификации всех социальных процессов слишком узко. Как уже отмечалось в первой статье, невозможно, следуя за ним в разделении социальных процессов на три типа, обозначить один

из них как семейный; мы бы назвали его *симпатическим*^{6*}. Считаем недостаточно обоснованным, что после дифирамбов семейному типу *Сорокин* отмечает, что его признаки можно найти не только в большинстве семей, но и в привязанностях друзей, членов религиозных организаций и т. д. Полагаем, что контраст между этим идеальным типом и фактическим состоянием значительного большинства семей нашей культуры слишком велик, чтобы такой тип обобщал бы *реальные* формы в сфере бытия. Иное дело в этике, относящейся к сфере должного. В противном случае возникает опасность без учета рисков для семей в реальном мире просто принять данный идеальный тип. В учении об отношениях вопрос о том, какие силы в средне-статистической семье направлены друг к другу и друг от друга, изначально открыт; об этом можно судить лишь по социографическим* исследованиям. Нет сомнений в том, что противопоставление солидаризма и антагонизма, которые не совсем идентичны отношениям, направленным друг к другу и друг от друга, весьма востребованные категории в некоторых исследованиях. Планируем уделить им больше места, чем раньше. Полностью согласны с его итоговым выводом (с. 118) о том, что в практической жизни групп в разной степени проявляются три основные формы социальной жизни. *Сорокин* считает, что не только деревня, племя, каста, класс, государство, нация, но и семья «должны быть систематизированы с совершенно иной точки зрения». Однако не странно ли, что семью нельзя классифицировать с точки зрения семейной сплоченности (familistic)?

Странны заявления нашего автора, что до него никто не занимался факторами солидарности и антагонизма. Как раз наоборот. Имеется не только общественно-политическая система солидаризма (*Пеш*^{7*}); она есть в любой системе социологии, пусть, как правило, под иным названием. В конечном итоге вековая дискуссия об эгоизме и альтруизме сводится к тому же. Все-таки кажется плодотворным и в известном смысле новым выделение одиннадцати существенных факторов социальной жизни вне сферы влияния этих двух принципов (с. 120). Этически ценным представляется столь характерное для мысли *Сорокина* постоянное требование обеспечить солидарность социальных образований тем, чтобы привести их нормы в соответствие с принципами симпатии. При этом добавлено вполне приемлемое наблюдение, что его реализация во многом зависит от социальной и культурной среды. Однако по-настоящему социологический подход начинается, по нашему мнению, с вопроса: какова *степень* солидарности и антагонизма в конкретных социальных образованиях в зависимости от их типа и длительности существования?

Если обозримости ради подытожить уже сказанное *Сорокиным* в кратких тезисах, то, наверное, можно сформулировать следующие семь высказываний:

I. Общественный мир является свехорганическим; это мир проявлений человеческого духа. Социология не является естественной наукой.

II. Из межличностных взаимодействий нас касаются лишь значимые «meaningful» (смысловые) взаимодействия. К ним относятся теории, ценности и нормы.

III. Они основаны на триединстве Личность – Общество – Культура.

IV. Все взаимодействия основаны на взаимосвязи личности, смыслов и проводников взаимодействия (Vehicles).

* Согласно немецкому социологу Ф. Тённису (Tönnies, Ferdinand, 1855–1926), предложившему данный термин, он означает эмпирическую социологию как описательную дисциплину.

V. Социальные образования (по Сорокину – группы) могут быть либо организованными, либо неорганизованными, либо дезорганизованными. Вторая классификация: солидарными, антагонистическими, нейтральными.

VI. Организованность опирается на law-norms (правовые нормы).

VII. Делению на солидарные, антагонистические и нейтральные группы близко деление на семейные, договорные и принудительные группы.

В последующем анализе организованных социальных образований им приписывается, как минимум, одиннадцать качеств, а именно:

- a) реальность;
- b) индивидуальность;
- c) проводимость (значительные изменения в одной части группы влияют на другую);
- d) пространственная совместимость (в одном и том же пространстве разные, сменяющиеся друг друга группы);
- e) постоянство образований при смене персонального состава и проводников взаимодействия. Особенно в негативном случае, когда при прежнем персональном составе социальное образование может исчезнуть;
- f) изменения в степени связности групп (означает ограничение по пункту b);
- g) имманентность (в смысле саморегуляции);
- h) влияние внешних сил;
- i) избирательная способность;
- k) ограниченность способности к изменению;
- l) другие качества.

Набор признаков социальных образований (с. 149 и след.) больше, чем наш для социальных групп. Чтобы показать, почему некоторые из названных Сорокиным каналов можно объединить в одном или в двух признаках, потребовалось бы тщательное исследование. Однако такое позволяет допустить, что в отношении постоянства (пункт «e») следует особо подчеркнуть, что социальные образования иногда сохраняются, когда их членов становится меньше, и что, более того (пункт f), иногда изменения в социальных образованиях происходят одновременно без причинно-следственной связи между ними. Также верно утверждение, что изменчивость ограничена. С другой стороны, считаю неправильным, что силы, действующие извне, не способны изменить сущность социального образования. Избирательная способность (selectivity), возразим, весьма ограничена в группах по принуждению. Однако подлинный недостаток анализа Сорокина, представляется, состоит в том, что он даже не упомянул главный признак каждой группы, *ее зримый образец (Richtmaß)**. Кажется, ему достаточно общего акцента на правовые нормы, но групповые и правовые нормы – не одно и то же.

Необычайно остра его критика в главе IX иных классификаций организованных образований от Спенсера^{8*}, затем Росса^{9*} и Вормса^{10*}, Парка^{11*} и Бёрджесса^{12*}, Малиновского^{13*}, Монье^{14*}, Фульье^{15*}, вплоть до Фиркандта^{16*} и Штейнметца^{17*}.

* «Richtmaß» – стандартный размер. Понятие Л. фон Визе, предлагаемое для теории групп: некий стандарт, правило или степень, образец, пример, в том числе символ или даже табу. Этому понятию может соответствовать член группы, символы: флаг, алтарь, униформа, значок члена партии. Richtmaß влияет своей наглядностью. Из-за расплывчатого содержания это понятие не вошло в научный оборот.

(Нас нет в его вердикте, потому что, наверное, он не знает моих исследований на эту тему. Похоже, он ознакомился лишь с первым томом первого издания*.) Однако если кто-либо захотел бы покритиковать его классификацию столь же взыскательно, как он, ему будет на что нападать. *Сорокин* выделяет:

- А. Биосоциальные образования.
- В. Социокультурные образования:
  - a) родственники (kinship);
  - b) соседи;
  - c) языково-этнические или национальные образования;
  - d) государственные образования;
  - e) трудовые группы (occupational groups);
  - f) союзы по экономическим интересам;
  - g) политические партии;
  - h) религиозные образования;
  - i) профессиональные и другие образования.

Даже поверхностный обзор показывает, что группы на основе родства (В а) относятся к биосоциальным (А), а национальные (В с) неотделимы от государственных образований (В d) либо от рас и племен (А), профессиональные группы (В е) – от экономических (В f).

Несостоятельно, прежде всего, и отнесение некоторых таких образований к группам, основанным на одной связи (unibonded), а других – к основанным на нескольких (multibonded) (unibonded невозможно перевести короче, чем «соединенные одной связью»). Почему, например, профессиональное объединение и государство должны быть основаны на одной связи, а племя, феодальное сословие, класс и семья – на нескольких, неясно.

При всем том удивляет следующее: большинство авторов, о которых *Сорокин* судит столь резко, стремятся дать более глубокую классификацию, подчеркивающую качественный момент деления, например, степень свободы или уровень культуры. Конечно, иногда они терпят неудачу. *Сорокин*, придающий столь большое значение базовым ценностям, на самом деле должен был бы либо отказаться от своей поверхностной классификации по количеству связей в группе ради своих же усилий, либо оставить «ценности» в покое. Он, обвиняющий нас в формализме, гораздо более «формален» в этом вопросе, нежели мы, не отказывающиеся от первостепенного значения группового образца (*Richtmaß*).

В его отдельных наблюдениях много привлекательного. Это касается биосоциальных образований: то, что основано на сходстве языка, религии, конституции или организации трудовой деятельности, часто толкуется как расовый признак. Далее: биосоциальные группы порой ведут себя так, *словно* они организованы. Относительно соседства: вместе с возрастающей социальной мобильностью и, как следствие, снижением влияния института соседства локальное многообразие связей превратилось в целый ряд союзов иного рода.

Однако в связи с противопоставлением социальных образований с одной связью и с множеством связей следует отметить его ограниченную применимость. Никакое

* Речь идет о книге: [*Wiese von L. Allgemeine Soziologie als Lehre von den Beziehungsbedingungen der Menschen. Teilband 1: Beziehungslehre, Duncker & Humblot, München, 1924*].

образование не может надолго обойтись лишь одной связью; можно лишь выделить одну определенную или несколько определяющих социальных связей. При этом важно показать тенденцию, как из одной связи получается несколько и как, с другой стороны, из множества контактов вновь возникает более крупное единство.

Страдает противоречиями и глава о государстве (с. 203 и след.). После того, как продемонстрировано, что принудительная сила исходит и от других корпораций: семьи и церкви, относительно «Clearing House» (расчетная палата), каковой Сорокин считает государство, показано, что оно является институтом регуляции насильственных отношений. Беспомощность американской теоретической социологии перед государством-монстром наблюдается и у этого русского. Очень хорошо, правильно и по-настоящему социологично, когда он показывает, что зачастую весьма ограниченной властью государства руководят корпоративные силы или лица, которые мощнее его. Для того, чтобы показать, как мы сами мучаемся со здешними трудностями, рассматривая государство как форму, в которую вкладывается постоянно меняющееся содержание*, и как обнаруживаются квазигосударственные образования рядом с ним, здесь просто нет места.

То, что утверждается об отношениях партий с государством и о типах религиозных образований, захватывающе и верно, однако, как ни странно, религиозные секты не рассматриваются.

Сорокинское понятие элиты, а именно ее отождествление с «великими людьми», мало соответствует теории Парето^{18*}, но, похоже, так же несостоятельно, как и концепция элиты Ф.Н. Гиддингса^{19*} (с. 233).

Перед природой государства и народа автор абсолютно беспомощен, самым слабым является его определение общественных классов. Он выделяет промышленных рабочих или (?) пролетариат, класс крестьян, исчезающий класс крупных землевладельцев и капиталистов, которые теперь стали бы классом менеджеров. Однако такое выделение – сомнительное смешивание сословий и классов. Он пишет: «Их можно реально отнести к одному уровню» (стр. 263). О, нет! Жизненный уклад в этих предполагаемых четырех классах довольно разный. Но об этом в другой раз.

В главе XV справедливо подчеркивается, что существует не только дифференциация, но и стратификация (образование слоев). Он акцентирует значимость своей более полной и более разносторонней систематизации форм стратификации по сравнению с прежним опытом. Однако нет ничего, выходящего за пределы богатой на публикации немецкой литературы. Не доказано также и утверждение о том, будто он представил доказательства того, что организация и стратификация являются неотъемлемым признаком любой организованной группы (с. 278). Спрашивается, к примеру: правда ли, как он считает, что расовые общности делятся на вождя, влиятельные слои и простых членов? Разве не имеет решающего значения равенство всех представителей расы? Только включением принципов стратификации в естественные расовые связи создается квазисоциальная корпорация, разделенная на слои. Физическое пространство также не ведет к расслоению соседства. Непременное существующее, по Сорокину, неравенство в любом социальном образовании – одна из его догм, но нет сомнения в том, что глубоко укорененная в природе чело-

* В первой половине XX в. в Германии сменилось 5 государственных устройств: кайзеровское (Второй рейх), Веймарская республика, Третий рейх, оккупационное управление союзников, ФРГ.

века склонность всюду создавать ранговые различия охватывает любое социальное образование, часто с переменным успехом. Однако возникает стремление устранить либо нивелировать неравенства.

Прекрасны его мысли: внутренний антагонизм может сосуществовать вместе с внешней солидарностью (Disaffinity). Либо: один слой может занимать высокое положение по шкале профессий и низкое в другом отношении.

Последняя (XVI) глава, на которую распространяется данная рецензия, озаглавлена «Население как совокупность групп (типов общества)». Неудовлетворительность его классификации социальных образований проступает в этой смущающей категории «население», заимствованной из статистики. Возникают одиннадцать вопросов:

1. Какие организованные группы просто связанные, а какие лишь «так сказать» («как бы») организованны?
2. Какие группы основаны на нескольких связях?
3. Какое расслоение демонстрирует каждая группа согласно пунктам 1 и 2?
4. Какие из этих групп открытые, закрытые и смешанные?
5. Какие централизованные, какие децентрализованные?
6. Какие из групп и слоев являются внутренне солидарными, антагонистически или нейтральными?
7. Какие группы типичны и характерны для целостного социального образования?
8. Какова сила власти в каждой из групп и в каждом из слоев?
9. Какие из групп солидарны или антагонистичны по отношению друг к другу?
10. Можно ли классифицировать отдельную группу скорее как семейного, принудительного или договорного типа?
11. Какое значение имеют теории, ценности, нормы и проводники взаимодействия (Vehicles) в конкретных группах?

Автор категорично отклоняет другие классификации, включая таковые *Спенсера* и *Дюркгейма*, считая их еще более сомнительными. При этом он упускает из виду, что оба названных ученых пытались распределить социальные образования не по уровням, а по их генезису. Следует признать, что при этом была допущена ошибка: якобы у более ранних образований структуры всегда проще.

Эта глава также содержит (не вполне уместное) противопоставление личности и коллектива (индивидуума и общества). Заданная здесь поляризация вполне соответствует нашему мнению.

Обозревая социологическую часть, составляющую треть всего сочинения, следует заметить, что ее можно было бы сделать еще ценнее, упростив и прояснив структуру и одновременно углубив анализ. Довольно резкая критика часто несправедлива. Однако очевидна большая способность к «таксономии», как в последнее время опять стали называть разделяющее и связующее искусство систематики. Усилия проследить здесь некоторые основные линии сочинения должны подтвердить выводы первой статьи, опубликованной годом ранее, и, надеемся, усилить их доказательность*.

* См.: *Wiese von L.* Pitirim A. Sorokin // *Kölner Zeitschrift für Soziologie*. 1948/49. Bd 1. No 2. – Pp. 209–221. *Визе фон Л.* Питирим А. Сорокин // *Наследие*. 2021, № 1(18). – С.103–115.

Комментарии

- ^{1*} Конт, Огюст (Comte, Auguste (1798–1857), французский философ, основоположник социологии.
- ^{2*} Социабельность – общительность, способность завязывать отношения с другими.
- ^{3*} Койнологические исследования – обобщающие исследования (от *древнегреч.* койне (κοινή) – «общий»), термин, применявшийся античными учеными к формам греческого языка.
- ^{4*} Учение о социальных образованиях – часть социологического учения Л. фон Визе о социальной системе, аналогичная разделу социологии по П.А. Сорокину, содержащему учение о социальных агрегатах в сочинении «Система социологии» (1920–1922).
- ^{5*} Петражицкий Л.И. (1867–1931), российский и польский правовед, социолог, политик, декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета.
- ^{6*} Симпатический (от *лат.* sympatheticus, *греч.* sympathētikós – сочувствующий) – в натурфилософии: соединенность всех частей в целое, при которой при воздействии на одну часть страдают и все остальные.
- ^{7*} Пеш, Генрих (Pesch, Heinrich, 1954–1926), немецкий католический этик, представитель научной школы солидаризма.
- ^{8*} Спенсер, Герберт (Spencer, Herbert, 1820–1903), английский философ и социолог.
- ^{9*} Росс, Эдвард (Ross, Edward, 1866–1951), американский социолог и психолог, один из основателей социологии в США, президент Американской социологической ассоциации (1914–1915).
- ^{10*} Вормс, Рене́ (Worms, René, 1869–1926), французский социолог, основатель Международного института социологии.
- ^{11*} Парк, Роберт (Park, Robert, 1864–1944), американский социолог, один из основателей Чикагской социологической школы.
- ^{12*} Бёрджесс, Эрнст (Burgess, Ernst, 1886–1966), американский социолог, один из основателей Чикагской социологической школы.
- ^{13*} Малиновский, Бронислав (Malinowski, Bronisław, 1884–1942), британский антрополог польского происхождения, основатель функционализма в антропологии и социологии.
- ^{14*} Монье, Рене (Maunier, René, 1887–1951), французский социолог, ученик М. Мосса.
- ^{15*} Фуллье (Фулье, Фуйе), Альфред (Fouillée, Alfred, 1838–1912), французский философ и социолог.
- ^{16*} Фиркандт, Альфред (Vierkandt, Alfred, 1867–1953), немецкий социолог, этнолог, социальный психолог, специалист по социальной истории и философии.
- ^{17*} Штейнметц, Себа́льд (Steinmetz, Sebald, 1862–1940), нидерландский этнолог, социолог, историк права.
- ^{18*} Парето, Вильфредо (Pareto, Vilfredo, 1848–1923), итальянский социолог и экономист.
- ^{19*} Гиддингс, Франклин (Giddings, Franklin, 1855–1931), американский социолог, внесший вклад в психологическую социологию.